

Взгляд начальника уезда Ци замер. С выражением недоверия, смешанного с надеждой, он спросил:

— Ты утверждаешь, что обладаешь феноменальной памятью и запоминаешь всё с одного взгляда?

Цуй Се опустил веки и с улыбкой ответил:

— Это лишь зубрежка: слова запечатлеваются в памяти, но не проникают в сердце.

Начальник уезда Ци пристально посмотрел на него и приказал слуге:

— Принеси «Записки о восстановлении уездного училища», что я написал на днях!

Служка мгновенно принес свиток. Начальник уезда Ци пробежал его глазами, убедился, что ошибок нет, и лично передал в руки юноше:

— Даю тебе время, пока горит одна палочка благовоний. Запомни его и выучи наизусть.

Служка зажег свежую палочку благовоний, и вверх потянулись тонкие струйки белого дыма. Цуй Се принял сочинение, внимательно и досконально прочел его от начала до конца, зажмурился, проверяя, не пропустил ли ни единого иероглифа, а затем прочел предложение за предложением:

— «Училище в уезде Цяньань основано во второй год правления под девизом Хунъю. Когда же наш Тай-цзу утвердил власть над Поднебесной, он повелел во всех округах и уездах обновить храмы науки. Тогдашний начальник уезда Сяо И возвел... оттого и составлены эти записки. А дата высечена слева от уездного училища».

Этот очерк был недавно написан начальником уезда Ци и тщательно им выверен, так что тот помнил каждое слово наизусть. Ему не требовалось сверяться с текстом, как при проверке знаний «Четверокнижия», поэтому он просто наблюдал за выражением лица Цуй Се.

Юноша держался сдержанно и безмятежно, его голос звучал плавно и членораздельно — слушать его было настоящим удовольствием.

Когда он гладко дочитал статью до конца, начальник уезда Ци вовсе не выказывал радости. Напротив, в его взгляде промелькнула искренняя досада. «С таким талантом — и почему он приехал в уезд Цяньань только сейчас! — мысленно вздохнул он. — Прибудь он годом раньше... да хотя бы на полгода, успеет он на уездный экзамен этого года, я бы непременно объявил его первым в списке! Четырнадцатилетний первый ученик уезда, четырнадцатилетний шэньюань — его бы по праву нарекли вундеркиндом!»

Какая досада!

Как жаль, что квалификационный экзамен этого года уже позади, а следующий год — время осенних экзаменов сянши, когда испытания на звание шэньюаня не проводятся. К моменту же испытаний суйши через год Цуй Се исполнится уже шестнадцать. Четырнадцатилетний шэньюань — редкая драгоценность, а в шестнадцать этим уже никого не удивишь.

Начальник уезда Ци так проникся сочувствием к юному дарованию, что ему захотелось лично отправиться в столицу, в дом семьи Цуй, и спросить у отца юноши, как тот мог так запустить столь одаренного ребенка, не дав ему толком выучиться грамоте и слагать стихи. Впрочем,

порассуждав здраво, он вспомнил: Цуй Се не учился должным образом потому, что ухаживал за больными дедушкой и бабушкой, проявляя сыновнюю почтительность. Разве в этом был грех?..

«Ну да ладно, знания всегда успеется восполнить, а вот сыновний долг и преданность — вещь первостепенная. Не обладай он с малых лет милосердным и почтительным сердцем, разве отменяла бы его высочайшая императорская милость как верного и праведного мужа?»

Он вздохнул и произнес:

— Раз уж ты поселился в нашем уезде, учись теперь со спокойной душой и не пренебрегай даром, которым тебя наделили небеса. Жаль, что я всего лишь цзяньшэн — учить тебя значило бы лишь попусту тратить твоё время. Поищи в эти два года хорошего наставника, чтобы заложить крепкую основу, а после экзаменов суйши через год я постараюсь устроить тебя в управское училище — тамошние учителя куда лучше.

«Что?» — Цуй Се с изумлением взглянул на него. Неужели тот так уверен, что через год он сдаст экзамены на шэньюаня? Начальник уезда Ци настолько уверовал в его феноменальную память или собирается помочь ему... слив темы экзамена?

Начальник уезда Ци, погруженный в собственные мысли, не обратил внимания на выражение его лица. Поразмыслив еще немного, он заметил, что юноша все еще сидит рядом, собрал со стола листы со статьями и проговорил:

— Запоминать подобные статьи с твоей памятью — лишь даром растрачивать талант. У меня в кабинете есть «Собрание сочинений шести господ» под редакцией Цзоу Янцзы. Забери его с собой и изучи как следует: когда придет пора учиться писать восьмичленные сочинения, твои работы будут наполнены живой плотью и кровью.

Цуй Се поспешно поднялся, чтобы выразить благодарность, и попутно осведомился:

— Ваш ученик сподобился высочайшей императорской милости и хотел бы вернуться на родину предков, чтобы совершить жертвоприношение и поклониться праотцам. Позвольте узнать, нет ли каких помех по делу моей семьи и сколько еще придется ждать, прежде чем разрешат покинуть уезд?

«Какое еще дело?! Из-за всей этой суматохи вундеркинд упустил драгоценное время, а он все о судебном процессе печется!»

Начальник уезда Ци сдержал рвавшийся наружу вздох и мягко ответил:

— Если хочешь идти — иди. Доказательства по этому делу неопровержимы, управа не станет вызывать тебя на допрос. С кучером тоже ничего не случится. Когда материалы уйдут в Министерство наказаний, если им потребуется проверка, им будет проще собрать улики прямо из твоего дома.

Он велел слуге принести сундучок со старыми томами «Собрания сочинений», а также пожалованное серебро и ткань, погрузить всё в экипаж и с грустным чувством отпустил Цуй Се с его слугой домой.

Вернувшись из уездной управы, Цуй Се велел кучеру доставить вести в дом семьи Цуй, а сам вместе со слугой собрал кое-какие вещи повседневного обихода, прихватил учебники прежнего хозяина тела и отправился в родную деревню на родовое кладбище.

Семья Цуй принадлежала к числу зажиточных родов, переселенных правительством в годы правления под девизом Юнлэ для заселения северных земель. Изначально они происходили из местностей вокруг Сяньфана, однако со временем ветви рода разделились, и связь с родственниками на прежней родине давно оборвалась. Когда-то под конвоем войск их предки преодолели тысячи ли. Из тех родственников, что отправились в путь вместе с ними, одни сгинули в дороге, другие попали в иные поселения, а в деревню Цзясян, что к востоку от уезда Цяньань, добрались лишь прапрадедушка и прапрабабушка семьи Цуй.

Мужская линия семьи Цуй не отличалась многодетностью, к тому же на могилах умерших в младенчестве детей и незамужних дочерей стелы ставить не полагалось. Небольшие холмики сиротливо ютились вокруг нескольких высоких надгробий, а некоторые и вовсе размыло дождями и сгладило ветром. Из тех, кто вел прямой род до сегодняшнего дня, осталась лишь ветвь Цуй Цюэ.

Цуй Юань купил три вида ритуальных животных, вино и подношения, а также зажег ароматические палочки перед кладбищем. Цуй Се лично принес воду и ветошь бережно вытер каждую надгробную плиту, внимательно читая высеченные на них имена.

Надгробие его прадеда было самым заметным. В центре значилось: «Покойный батюшка господин Цуй, табуированное имя Цзюэ», а в левом нижнем углу: «Воздвиг с плачем недостойный сын Цуй Юнь». Вероятно, к моменту установки стелы отец Цуй Се уже сдал экзамен на звание цзюйжэня, поэтому на плите также имелась эпитафия — по всей видимости, написанная Цуй Цюэ. В ней описывались благодеяния и заслуги этого предка семьи Цуй, а также упоминались его жены, наложницы и дети.

Цуй Се молча запомнил имена прадеда и деда. Затем он обошел кладбище и лишь подле могилы прапрабабушки из рода Фан отыскал низкий, поросший бурьяном холмик. На плите высечено: «Могила покойной жены госпожи Лю, воздвиг чиновник Цуй Цюэ». Эта могила казалась меньше всех остальных, а камень от времени потрескался — было видно, что за ней много лет никто толком не ухаживал.

Он некоторое время молча стоял на коленях перед могилой, отдавая дань уважения от лица прежнего владельца этого тела. Цуй Юань, замаявшись, сочувственно пробормотал:

— Наш господин человек занятой, у него нет времени приезжать и убирать могилы... Наверняка слуги, поставленные присматривать за кладбищем, не проявляли должной заботы...

Рядом с кладбищенским холмом стояла избушка смотрителя, но она пустовала — жильца внутри не было. Весь родовой некрополь выглядел запущенным, стелы покрывал толстый слой пыли и грязи. Поскольку хозяева перебрались в столицу и редко навещали эти края, смотрители, разумеется, выполняли свою работу лишь ради галочки, когда кто-нибудь приезжал.

Цуй Се стоял на коленях перед пологим холмом. Он достал императорский указ и зачел его слово в слово. Затем достал бумагу и кисть, сделал несколько копий и сжег их перед родовыми могилами семьи Цуй. В духе древних ритуалов он мысленно вознес молитву предкам, поведав им о том, что настоящий Цуй Се был забит до смерти собственным отцом, и высказал надежду, что там, на Желтых источниках — если они действительно существуют, — они позаботятся об этом несчастном ребенке.

Когда ритуал завершился, Цуй Юань с сыном подхватили его с обеих сторон и осторожно спросили:

— Молодой хозяин, поедem обратно?

Цуй Се покачал головой:

— Мы редко выбираемcя в эти края, да и змотрители здесь нерадивые. Пока мы тут, давайте отремонтируем и приведем в порядок могилу матушки, а уже потом вернемся.

Он был старшим сыном от законной жены и старшим внуком, так что приведение в порядок родового кладбища входило в круг его прямых обязанностей.

Неподалеку от кладбища нашли резчиков по камню, изготовлявших надгробия, и рабочих, занимавшихся обустройством могильных холмов. Цуй Юань пригласил мастеровых. Резчик снял оттиск иероглифов со старого камня, чтобы вырезать новую стелу, а Цуй Се уселся обсуждать с рабочими, как лучше перекрыть и укрепить земляную насыпь.

Десятник пояснил:

— Если делать попросту, то нужно лишь накопать земли поблизости, уложить на холм да хорошенько утрамбовать — год простоит. Но сильного ветра не выдержит, а ведь могила господина как раз и сгладилась от ветров. Вариант получше — известковая смесь: смешать землю с обожженной в печи известью, уложить — и прочно, ни дождь, ни ветер не страшны. Самый же лучший способ — тройной раствор «саньхэту». Только он дорогой: нужна качественная желтая глина, песок и известь. Когда все замешают, смесь надо непрерывно перелопачивать и трамбовать, пока она не обретет вязкость.

Десятник оглядел одежду Цуй Се — хоть и покрытую пылью, но сшитую из ткани с мягким шелковистым блеском — и суховато добавил:

— Молодой господин, полагаю, не станет скупиться на пару-тройку мер хороших материалов?

Глядя на низкий могильный холмик и ветхое надгробие, Цуй Се печально и горько ухмыльнулся, после чего спокойно произнес:

— Не нужно экономить, делайте наилучшим образом. Пригласите гадателя-инъян, пусть определит благоприятный день завершения работ. Мы остановимся неподалеку и, когда все будет готово, придем бросить первую лопату земли.

Строя могилу для самого себя, разумно было выбрать лучшее.

Он не мог поставить отдельный надгробный камень для Сяо Цуй, поэтому ему оставалось лишь воспользоваться ремонтом усыпальницы госпожи Лю, чтобы похоронить вместе с ней личные вещи прежнего хозяина тела. Пусть отныне мать и сын покоятся вместе в мире и покое.

<http://bllate.org/book/18372/1761254>